

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

УДК 301.085:15

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ НА РОЛЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Н. П. Аникеева

В социализации личности в настоящее время особое внимание уделяется гендерному аспекту. В выборе определенных социальных ролей важное место принадлежит гендерным представлениям личности.

Гендерные роли можно рассматривать как внешние проявления моделей поведения и отношений, которые позволяют другим людям судить о принадлежности индивида к мужскому или женскому полу. Другими словами, это социальное проявление гендерной идентичности индивида.

Гендерные роли относятся к типу предписанных ролей. Статус будущего мужчины или будущей женщины приобретает ребенок при рождении, а затем в процессе гендерной социализации ребенок обучается исполнять ту или иную гендерную роль. Существующие в обществе гендерные стереотипы оказывают большое влияние на процесс социализации детей, во многом определяя его направленность. Под гендерными стереотипами понимаются стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское».

Гендерный стереотип, касающийся закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом, относится к одному из самых распространенных стереотипов, предписывающих стандартные модели ролевого поведения мужчин и женщин.

Одним из оснований формирования традиционных гендерных ролей выступает разделение труда по признаку пола. Основным критерием в этом разделении выступает биологическая способность женщин к деторождению. В современных обществах давно отпала та социальная необходимость разделения труда на основе детородной способности женщин, которая существовала в архаических обществах. Большинство женщин работают в производственной сфере, вне дома, а мужчины давно перестали быть «воинами и охотниками», защищающими и кормящими свою семью. И тем не менее стереотипы о традиционных гендерных ролях очень устойчивы: от женщин требуется концентрация на частной (домашней) сфере деятельности, а от мужчин — в сфере профессиональной, общественной.

Как указывает Д. Майерс, гендерные ролевые нормы — представление о том, как следует себя вести мужчинам и женщинам, а гендерные стереотипы — представления о том, как они действительно себя ведут. Стереотипы, по определению, характеризуются схематичностью, упрощенностью, стандартизованностью и прочностью [4].

Гендер указывает на социальный статус человека с точки зрения маскулинности и фемининности. Поэтому культурные и психологические ожидания и стереотипы, относящиеся к тому или иному типу поведения, называются гендерными, а не половыми ролями.

Ролевое гендерное поведение характеризуется определенным набором черт. Исследования показывают, что в ряде стран к признакам маскулинности относят агрессивность, стремление к риску, доминантность и т. д. Проявлением фемининности считается пассивность, эмпатичность, мягкость и пр. Дифференциальная социализация может привести к развиту у мужчин и женщин различающихся психологических черт. Игры, в которые играют мальчики и девочки, способны культивировать у первых настойчивость и дух соревнования, а у вторых — заботливое отношение к окружающим. Однако в реальной жизни социальные нормы не создают крайне мужественных мужчин и крайне женственных женщин [5].

Кроме того, как показывают исследования, более 50 % девочек в подростковом возрасте были сорванцами. Сорванец в данном контексте — это девочка с мальчишескими ухватками, предпочитающая играть в мальчишеские игры. В юношеский период поведение, не соответствующее гендеру, как правило, сглаживается.

В 70-х годах в психологии в центре внимания оказалось андрогинное поведение, т. е. проявление маскулинных и фемининных черт у человека любого пола.

Традиционно некоторые черты связывают с типично мужским или женским способом мышления и функционирования психики. Поэтому в обществе и существуют стереотипы маскулинности и фемининности. Чаще всего они формируются в процессе социализации.

Несмотря на то, что социальные стереотипы неизбежно упрощают, схематизируют, а то и просто искажают видение социальной действительности, стереотипизация выполняет объективно необходимую и полезную функцию, поскольку сами эти упрощения и схематизация объективно необходимы и полезны в общей психологической регуляции деятельности. Грубость, упрощенность, схематизм — обратная сторона медали, неизбежные «издержки» таких абсолютно необходимых для психической регуляции человеческой деятельности процессов, как селекция, ограничение, стабилизация и т. п. поступающей из внешнего мира информации, поэтому целесообразность такого механизма ни у кого не вызывает сомнений. Действительно, достаточно представить себе на секунду, что эти в высшей степени полезные, но «консервативные» по сути механизмы вдруг перестали бы действовать, человек немедленно «утонул» бы в хаосе информации, поступающей как из внешнего мира, так и от его собственного организма [1, с. 183—185].

Традиционное воспитание девочек и мальчиков ориентируется именно на существующие стереотипы «женского» и «мужского» поведения. Воспитание в рамках этих представлений способствует развитию у девочек большей эмпатии и способности более глубоко понимать чувства других людей, а у мальчиков — способности скрывать и подавлять свои чувства. К благоприятным факторам развития эмоциональной сферы девочек можно отнести часто более тесную, чем у мальчиков, эмоциональную

связь с матерью, а также «женские» игрушки (куклы) и игры (в дочки-матери, в доктора).

Мальчиков, наоборот, стимулируют сдерживать, вытеснять чувства: «Не плачь! Ты должен быть мужчиной!» В поведении мальчиков в основном поощряется соревновательность, а не диалог или компромисс, в результате чего как основные стратегии усваиваются соперничество, манипуляция, авторитарность. Такие стили взаимодействия характеризуются недоверием к мнению другого, что не способствует развитию эмпатии у мальчиков.

В процессе социализации у девочек поощряют стремление к общению, развитию взаимоотношений и привязанности, а у мальчиков — способность предвидеть и контролировать окружение. В результате для женщин взаимодействие и взаимозависимость с окружением более значимы, чем для мужчин. Женский стиль можно охарактеризовать как партнерский стиль взаимодействия.

Стиль общения мужчин чаще связан с активностью, предметной направленностью, соревновательностью и конфликтностью. Для мужчин важнее содержание совместной деятельности, чем симпатия к партнерам. Мужское общение отличается эмоциональной сдержанностью. Кроме того, в обществе существуют различные для мужчин и женщин нормы и ожидания относительно проявления собственных чувств. Эмпатийная отзывчивость и эмоциональная экспрессия не соответствуют традиционной мужской роли. Поэтому мужчина не должен демонстрировать страх, тревогу, грусть или чрезмерно проявлять сочувствие, чтобы не прослыть «немужественным».

Реализация мужской роли связана с большими требованиями. В соответствии с традиционными стереотипами мужчины должны занимать активную социальную позицию, демонстрировать личное влияние и стремиться к достижениям. В итоге мужчины испытывают давление большого груза ответственности за свой социальный статус, что провоцирует при неудаче развитие тревожности, снижение самоуважения и удовлетворенности жизнью.

Традиционная женская роль позволяет женщине, не обладающей развитой социальной компетентностью, ограничиться самореализацией в кругу семьи и близких. Как показывают исследования, у женщин с низким уровнем личного влияния тем не менее наблюдаются высокие показатели самоуважения, удовлетворенности жизнью и отношениями с близкими. Также они редко проявляют агрессивность, фрустрированность и невротичность.

Коммуникативно-личностный потенциал в основном больше развит у женщин. Они часто лучше мужчин описывают свои чувства, определяют чувства других и выражают сопереживание. Большинство женщин демонстрирует коммуникативную совместимость и успешность в общении. Однако мужчины в основном лучше владеют своими чувствами и способны контролировать собственные эмоциональные состояния. Но сдерживаемые импульсы и подавленные эмоции истощают энергетический потенциал.

Воспитание мальчиков в соответствии с традиционной гендерной ролью влечет за собой негативные последствия, которые препятствуют

формированию социальной компетентности: ограниченную эмоциональную жизнь, сложность в установлении близких отношений с другими людьми, страх потерять контроль над собой, перенапряжение на работе, и как результат — высокий уровень агрессии, алкоголизации, наркомании, самоубийств и т. д.

Негативными последствиями воспитания девочек в соответствии с традиционной гендерной ролью являются: воспитание уступчивости, пассивности, зависимости, ориентации на поощрение, формирование «страха успеха», направленность на сохранение отношений даже в случае «провала дела», экзистенциальный кризис в период психологического отделения взрослеющих детей. Эти характеристики не могут определять зрелую личность [7].

Поскольку тенденция семейного воспитания определяется прежде всего традиционными гендерными стереотипами, следовало бы ожидать преобладание маскулинных мальчиков и юношей и фемининных девочек и девушек. Однако в действительности это не всегда так.

Чаще всего в литературе в качестве ведущего фактора, определяющего гендерную социализацию юношей и девушек, называют традиционные вышеперечисленные стереотипы женского и мужского поведения [7]. Однако сегодня на ролевое поведение начинает оказывать мощное влияние новая гендерная ситуация на планете, возникшая благодаря коренным сдвигам в экономике и социокультурном пространстве ряда стран. В гендерологии рассматриваются такие современные типы гендерной культуры общества (ГКО), как *доиндустриальная, переходного периода, индустриальная и постиндустриальная* [6].

1. Доиндустриальный, маскулинно-гетерический, тип гендерной культуры является хронологически первым, самым древним. Полоролевая дифференциация в доиндустриальном обществе обнаруживается в различных проявлениях маскулинности и гетеризма.

Гетеризм — особая форма феминизации, содержание которой представляет собой сплав духовно-производственного, семейно-бытового и досугово-сексуального функционирования женщины в доиндустриальном обществе. В условиях раннего классового общества посредством гетеризма женщина компенсировала материальную зависимость от мужчин. Его зависимость от женщины проявлялась в следующем. Во-первых, складывание частной собственности вызвало потребность ее закрепления за детьми мужчины (главы семьи, хозяина), а не «детьми вообще», которых могла родить женщина (определим это как зависимость от воспроизводства наследников имущества семьи, или репродуктивную зависимость). Во-вторых, женщина всегда ценилась в обществе внешней привлекательностью, обаянием, как объект, без которого мужчина не мог полноценно удовлетворять сексуальный инстинкт (сексуальная зависимость). В-третьих, женщины выполняли значительную часть бытовых обязанностей, что определяло несвободу мужчины в этой сфере (бытовая зависимость). И, в-четвертых, будучи исключенной из материально-производственного сектора функциональной деятельности и не обладая необходимыми физическими качествами, женщина для реализации собственных интересов (половых, групповых, индивидуальных) была вынуждена развивать как интеллектуальные,

так эмоционально-волевые и нравственные качества, в результате чего постепенно формировались такие специфические образования, которые впоследствии стали обозначаться терминами «женская логика», «женский ум», «женская психология» и т. п., а мужчина в некоторых аспектах становился зависим от женщины еще и интеллектуально.

Доиндустриальный тип ГКО сегодня представляют государства и регионы, в которых экономика слаборазвита, а уровни воспроизводства населения, напротив, очень высоки.

В государствах «третьего мира» женщина выступает по преимуществу как природное (биологические) существо, своеобразная «репродуктивная машина», предназначенная на протяжении всей жизни вынашивать, рожать, вскармливать и растить детей, а также выполнять домашне-семейные обязанности.

Выделение переходного типа гендерной культуры оправдано и целесообразно по двум причинам: во-первых, в связи с тем, что распад основ феодального строя и его перерастание в индустриальный — не одномоментные явления, а постепенный, охватывающий значительный временной интервал процесс; во-вторых, ввиду необходимости описать и проанализировать тот пласт феминизации, эмпирической базой которого в современных условиях является значительное число государств и регионов мира. По уровням экономического и демографического воспроизводства, степени политического и духовного развития они не могут с достаточным основанием быть отнесены ни к индустриальным (высокоразвитым), ни к прединдустриальным («развивающимся»), а занимают промежуточное положение между ними. К таким государствам с некоторой условностью следует отнести и Россию.

2. Культура переходного периода рассматривается не только в смысле трансформации способа материального производства, но и модели социального поведения женщины. Она (женщина) уже не является по преимуществу биологическим субъектом, но в то же время и не развивается еще в полной мере как культурный субъект. С одной стороны, благодаря научно-техническому прогрессу все большая часть женщин вовлекается в общественное производство (откликаясь на запрос общества и осуществляя производственно-функциональный выбор), но с другой стороны, такой профессиональный выбор существенно ограничен самим обществом (посредством экономики, права, а также морали) лишь определенными видами социальной деятельности.

Биологическое и культурное, таким образом, внешне представляются рядоположенными, «уравновешенными», но данное равновесие отнюдь не является внутренне гармоничным и оптимальным. Бытие женщины пронизано противостоянием его составляющих, женщина реализует и репродуктивную, и производственную функции, но в таких условиях, когда, говоря словами Ф. Энгельса, ведение домашнего хозяйства в значительной степени еще «является частным занятием», не превратившись «в отрасль общественного производства».

Существование субъекта женского пола оказывается критическим. Подавляющая часть женщин в обществе переходного типа не становятся в экономическом отношении полностью зависимыми от мужчины, ибо в

стоимостном выражении оплата их производственного функционирования оказывается недостаточной для удовлетворения основных биологических и культурных потребностей (у женщин, вследствие различных причин не состоящих в браке, но имеющих детей, противоречия между производственной, прокреативной и бытовой функциями принимают форму конфликта). Низкая эффективность материального производства и его экстенсивный характер детерминируют «двойную занятость» женщины. Бифункциональная (производственная и семейно-бытовая) гипертрофия становится реальной исключительно за счет атрофии досугового функционирования женщины.

Переходный тип ГКО воспроизводится и за счет крайней деформации досуговой сферы, ограничения свободного времени, имеющегося в распоряжении женщины. Вот почему он является внутренне противоречивым, нестабильным и потому не может быть исторически долговременным.

3. В течение последних десятилетий научно-технический прогресс оказал существенное влияние на трансформацию полоролевой структуры в индустриально развитых государствах. К данной группе следует отнести прежде всего страны «большой семерки» и другие.

Биологическое и культурное существование женщины-субъекта в индустриальном обществе столь тесно переплетены и взаимодействуют, что констатация определяющей роли культурного элемента требует определенных пояснений. Во-первых, это справедливо в том смысле, что женщина впервые в истории именно в индустриальном обществе становится экономически свободной посредством равноправного участия в производственной сфере деятельности. Во-вторых, экономическое освобождение женщины от мужчины усиливает процесс развития ее культурных сущностных сил, в результате чего репродуктивно-прокреативная функция женщины и биологический элемент ее бытия становятся «культурно-управляемыми», производными от статуса женщины в обществе и от степени культурного развития самого индустриального общества. Постепенная гармонизация биологического и культурного существования женщины (на основе актуализации последнего) и, соответственно, конструирование женщины как полноправного (равноправного с мужчиной) социального субъекта, в свою очередь, вызывает качественные изменения в институте брака и семьи.

В результате осуществления производственной функции она обретает возможность удовлетворять собственные материальные и духовные потребности непосредственно, а не опосредованно (через мужчину), как прежде. Более того, утрачивается и репродуктивная зависимость женщины от мужчины. Одним из главных отличительных признаков индустриального общества выступает высокая степень свободы репродуктивного поведения женщины. Складываются такие объективные и субъективные условия, при которых женщина реализует возможность родить и воспитать ребенка (а в отдельных случаях зачать его) без «привычного» участия и помощи со стороны мужчины. Качественное состояние биологического и культурного, репродуктивного и производственного элементов бытия женщины и мужчины свидетельствует о достижении пре-

дельно высокого (едва ли не абсолютного и тотального) уровня гетеросубъектой автономности, тождественности и самодостаточности разнополюх индивидов.

Маскулинное поведение женщины выражается высокой степенью производственно-функциональной активности, ведущим мотивом которой выступает достижение более значимого социального статуса, вплотную приближающегося к мужскому или тождественного ему. Это предполагает объективацию ее сущностных сил в нетрадиционных для пола профессиях и на нетрадиционных рабочих местах, т. е. в тех видах социальной деятельности, где женщины не составляют абсолютного большинства занятых (так называемые мужские профессии), или в тех, что по количественному соотношению разнополюх тружеников тяготеют к «женским», но где отдельные ключевые специальности (например, административно-управленческие) имеют «мужское лицо».

Маскулинная модель более типична для США, Канады, Франции. Маскулинный тип отношений, в которые вступает женщина, воспроизводит черты авторитарности. Это определяется преобладанием мужчин в управленческих системах, что обуславливает соответствующую организационную культуру, для которой характерны конкуренция, стремление к доминированию. Женщина должна вписываться в систему мужских ценностей, перенимая их образцы поведения.

Маскулинное поведение женщины включает в себе противоречие между относительно высоким достигнутым результатом деятельности (соизмеримым мужскому) и «ценой», которую «платит» женщина, трансформирующаяся в мужеобразного субъекта, и общество в целом — ввиду свертывания или полного отрицания репродуктивной функции и, соответственно, наличия долговременной демографической стагнации.

Фемининная модель поведения женщины существенно отличается от маскулинной. Для «фемининных женщин» характерен выбор традиционных для их пола профессий (по западной терминологии «типично женских работ» или «сектора розовых воротничков»). Это определяется их стремлением оптимально сочетать производственную, репродуктивно-прокреативную и досуговую деятельность: в отличие от «маскулинных женщин» для них материнство столь же ценно и значимо, как и производственно функциональная деятельность. Отношения между двумя функциями не являются конфронтационными. Такая возможность появляется, во-первых, как результат сознательного отказа женщины копировать образцы мужского поведения, играть «мужскую роль», несмотря на существенное отставание оплаты труда в преимущественно женских видах деятельности, и, во-вторых, в связи с наличием гибкого законодательства, регламентирующего производственную и репродуктивную деятельность женщины.

4. Постиндустриальный, или информационный, тип гендерной культуры отличен тенденцией дальнейшего развития, оптимизации и сближения на этой основе маскулинной и фемининной моделей поведения женщин в обществе [6, с. 76—94].

Кроме традиционных стереотипов, на социализацию личности огромное влияние оказывают новые гендерные представления на основе

исследований современной гендерологии, художественной и документальной литературы и информации от тех, кто давно работает за рубежом. Традиционные представления о «женском» пассивном и «мужском» активном поведении сегодня значительно деформируются, проявляясь в «маскулинизации» женского поведения. Поэтому полученные в детстве гендерные представления значительно преобразовываются личностью в процессе взросления.

Автор на протяжении 7 лет ведет спецкурс по гендерной психологии и руководит дипломными работами студентов по гендерной тематике. На практических занятиях по спецкурсу и социальной психологии проводится выявление отношений к гендерным стереотипам. Следует отметить появление расхождения в восприятии гендерных стереотипов вообще по поводу мужского и женского поведения и установок на собственное поведение и своего партнера (реального и потенциального).

Ролевое поведение мужчины рассматривается в основном как поведение «добытчика», «хозяина», ответственного за материальное обеспечение семьи, занимающего высокооплачиваемые должности. Женские роли связываются в основном с воспитанием детей, обеспечением уюта в доме, психологическим климатом в семье, т.е. явный ориентир на доиндустриальный или переходный типы гендерной культуры.

Когда через некоторый промежуток времени студентам предлагается описать видение своего реального гендерного поведения и модель взаимоотношения с мужем (реальным или воображаемым), то налицо появление тенденции на установки переходного и индустриального типов гендерной культуры у юношей и индустриального и постиндустриального — у девушек. Ряд юношей видят свою жену образованной, готовы максимально делить бытовые заботы или пользоваться помощью профессиональных помощников (няни, гувернера). Многие девушки видят перспективу в профессиональном и личностном росте, не против гражданского брака, не считают обязательным иметь больше одного ребенка. Лишь у немногих девушек и юношей традиционные стереотипы и собственные гендерные установки совпадают.

Достоверность изменения восприятия гендерных стереотипов подтверждается динамикой гендерного типа поведения.

На протяжении 7 лет ежегодно со студентами 2-х и 4-х курсов проводятся тесты С. Бем [3]. Ежегодно в тестировании участвуют до 100 человек.

Налицо динамика проявления гендерных типов поведения студентов и восприятия их студентами. Данные по тесту С. Бем [3] о типах фемининности, маскулинности и андрогинности следующие. Показатели 1999 года, среди юношей: 59 % — преобладание маскулинности; 17 % — фемининности; 24 % — андрогинности; у девушек, соответственно, 14, 62 и 24 %. Но нас прежде всего интересует отношение самих студентов к данным характеристикам. Большинство юношей, которые по тесту имели характеристику фемининности, и девушек, характеризующихся маскулинностью, выразили неудовольствие или недоверие тесту. Получившие данные (в баллах), совпадающие с полом, спокойно отнеслись к показателям. Те, кого характеризует андрогинность, выразили или недоумение (особенно те, для кого данная информация новая),

или удовлетворение. Как видим, большинство студентов имели личные установки, совпадающие с традиционными гендерными стереотипами: «юношам положено быть мужественными, а девушкам — женственными» [2].

В 2004 году картина значительно меняется: 14 % юношей показали доминирование маскулинности; 5 % — фемининности; 81 % — андрогинности, у девушек, соответственно, 6, 24, 70 %. При этом наблюдается адекватная реакция студентов. Их устные высказывания свидетельствуют о том, что самонаблюдения и ожидания совпали с данными теста.

Кроме того, мы отслеживаем, есть ли изменения гендерного поведения в процессе вузовского обучения (со 2-го по 4-й курсы). Такая динамика наблюдается именно у девушек в плане увеличения андрогинности к старшим курсам.

Интересный материал представляют наблюдения на заочном отделении, где учатся в основном взрослые, семейные, работающие молодые мужчины и женщины. На одном из потоков вечерних групп (2000 г.) автор организовала деловую игру по гендерной тематике. Предварительно проведенный тест С. Бем позволил разбить группу из 37 человек на 5 разнополых микрогрупп по 6—8 человек: высокомаскулинных, низкомаскулинных, высоко и низкофемининных и андрогинных типов гендерного поведения. В первую попали только мужчины; в третью только женщины, остальные микрогруппы — разнополые, каждая группа составляла «обобщенный портрет» данного гендера, куда входили такие характеристики, как: игры собственного детства, предполагаемые типы гендерного поведения родителей; любимые в детстве сказочные персонажи; отношение к работе, семье, детям в настоящее время.

Высокомаскулинная группа (мужская) вспоминала о детских играх — «войнушках», «взятие крепостей» и т. д., любимые персонажи детских игр — рыцари, воины разных стран; отцы, в основном, маскулинные, матери — фемининные или андрогинные; в детстве часто наблюдали семейные конфликты, отношение к работе и собственной семье выражалось в категоричных утверждениях и директивном стиле.

В низкомаскулинной группе из 8 человек было 5 молодых женщин. Именно их информация и вызывает большой интерес: в детстве предпочитали играть с мальчиками в драматизированные, спортивные и интеллектуальные игры. Любимые сказочные персонажи — Кот в сапогах, Маугли. В данной студенческой группе это самые элегантные женщины, приехавшие на вечерние занятия на служебных машинах и уже имевшие сотовые телефоны (что для 2000 года было редкостью для заочного отделения). Они были на управленческих должностях и в «обобщенном портрете» основная информация носила функциональный характер. У всех 8 человек был «антисценарный» тип гендерных ролей по сравнению с родителями.

Высоко- и низкофемининных типов гендерных характеристик отличало инфантильное поведение, пассивность, бедность и лаконичность «гендерного» портрета: общие выражения с акцентом на эмоциональную сферу. Для женщин этого типа сказочные персонажи — прежде всего, Золушка, сказочная принцесса. Мужчины не могли вспомнить любимых сказочных персонажей (только один назвал Буратино). Как правило, матери, бабушки или отцы принадлежали тоже к фемининному типу.

Группа андрогинных студентов (5 женщин, 3 мужчины) отличалась наибольшей успешностью в учебном плане и наибольшей активностью в процессе выполнения коллективного задания. Они бурно реагировали на все пункты обобщенного портрета, весело вспоминали игры и сказочных персонажей детства. Игры были совместными для мальчиков и девочек — путешествия по паркам и скверам, спортивные. Сказочные герои: хоббит, волшебник. Их «портрет» был самым полным, содержательным, с живыми иллюстрациями. Именно выступление андрогинной группы придало занятию игровой, эмоциональный характер. Именно члены этой группы отметили, что андрогинное поведение стало доминирующим для них в последние годы.

Таким образом, традиционные гендерные стереотипы под влиянием идей индустриальной и постиндустриальной гендерных культур уже не являются определяющими в выборе ролевого поведения молодежи. Уже в детстве, как показывают наши исследования, многие девочки и мальчики через подражание значимым взрослым, любимым сказочным персонажам, совместные игры со сверстниками воспринимают образцы андрогинного поведения, которые укрепляются в процессе вузовского обучения.

Другими словами, в настоящее время меняется сам характер гендерной стереотипизации молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева М. Г. Социальная психология. — М., 1997.
2. Аникеева Н. П. Изучение особенностей гендерных установок студентов // Мотивационное пространство воспитательной работы в вузе. — Новосибирск, 2002.
3. Берн Ш. Гендерная психология. — М., 2001.
4. Майерс Д. Социальная психология. — СПб., 1998.
5. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. — СПб., 2000.
6. Понуждаев Э. Основы гендерологии. — М., 2003.
7. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. — СПб., 2003.